

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

О.С. Пчелинцев

РЕГИОНЫ РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ¹

На основе анализа тенденций регионального развития в 90-е годы обосновываются: необходимость формирования экономической системы устойчивого развития (воспроизводственной экономики); положение о роли регионов как субъектов устойчивого развития, организаторов перехода от экономики использования ресурсов к экономике их системного воспроизводства. Рассматриваются некоторые, главным образом, внешнеэкономические и социальные условия перехода к устойчивому развитию.

Постановка задачи. Объективные предпосылки для регионализации социально-экономического развития были созданы процессами индустриализации и урбанизации, сформировавшими в большинстве регионов России крупные промышленные комплексы и современный кадровый потенциал. Однако только в последние годы эти предпосылки были подкреплены становлением субъективных факторов регионализации – развитого регионального самосознания и растущей самостоятельности местных элит. Значительную роль в этом сыграла либерализация российской экономики, хотя для самих творцов этой политики данный результат был, скорее всего, неожиданным².

Процесс регионализации, широко признаваемый в качестве наблюдаемого факта [2, с. 58-60], не стал пока предметом теоретического анализа. Более того, существует явная тенденция рассмотрения его как некоей побочной линии развития по отношению к основному потоку институциональных изменений в российской экономике, связанному с переходом к рынку. Действительно, усмотреть прямую связь между обвальным уходом государства из экономики и *федерализацией* (что предполагает усиление, по крайней мере, одного из уровней государственной власти – регионального) или между приватизацией и одновременно идущим процессом *муниципализации* жилья и объектов социальной сферы достаточно трудно.

Цель настоящей статьи – попытаться представить все эти процессы в качестве звеньев единого процесса модернизации институциональной структуры российской экономики. Ключ к решению этой задачи дает понятие устойчивого развития, позволяющее уйти от того крайне узкого понятия модернизации, которое сложилось в последние годы. Дело в том, что для России в едином понятии модернизации сливаются сегодня два совершенно разных направления развития:

- воспроизведение той структуры экономики (материальной и институциональной), которая характерна для развитых стран *сегодня*;
- формирование принципиально новой структуры, которая придет ей на смену *завтра*³.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 99-02-00310а).

² Скорее, наоборот, регионы были «просто лишними в политике жесткого централизованного либерализма» [1].

³ Переход к рынку мог бы считаться конечной целью реформы только в том случае, если современную институциональную структуру стран Запада рассматривать как некое финальное состояние. Но она

Это слияние в какой-то мере неизбежно, пока мы стоим на позиции догоняющей модернизации, однако с каждым годом растут основания для пересмотра этой позиции. Дело в том, что линейная модель, на которой покоится концепция догоняющей модернизации, не учитывает реальной направленности глобального развития в сторону *дивергенции* (поляризации) стран по уровням развития и уровню жизни. Не учитывается и то, что мировой рынок – по совокупности признаков – скорее удаляется, чем приближается к модели совершенной конкуренции. Имеется в виду не только доминирование спекулятивного капитала над реальным сектором⁴, но и специфика современного ценообразования, позволяющего блокировать распространение новых технологий за пределы развитых стран путем опережающего роста цен на интеллектуальную собственность и продукцию высокотехнологичных отраслей⁵.

Учет этих факторов на деле может означать только одно: по-настоящему успешная модернизация в XXI в. возможна только как обгоняющая. Но для этого Россия должна перейти от пассивной либерализации экономики к *управляемому инновационному развитию*. Разумеется, это потребует глубоких изменений в теории и экономической политике, перечислим некоторые из них:

– отказ от агрессивного противопоставления рынка плану, принятие *модели конвергенции*, снимающей их противоположность;

– дополнение рыночного сектора экономики двумя другими сопоставимыми по мощи секторами – государственным и муниципальным, обеспечивающими соответственно инновационный аспект устойчивого развития и социальный, и экологический аспекты⁶.

Практически это означает, что основной задачей на ближайшие годы становится *организация рынка*.

Анализ процессов регионального развития. Региональное развитие у нас идет в рамках экономической модели, созданной в 1992-1994 гг., по точному определению А.Р.Белоусова, в результате либерализации неравновесной экономики, унаследованной Россией от бывшего СССР. В этих условиях процессы экономической реструктуризации приняли характер пассивного приспособления существующей территориально-отраслевой структуры к запросам мирового рынка. От этого выиграли на первых порах (разумеется, только относительно, на фоне общего спада⁷) районы – поставщики топлива и сырья на экспорт. Именно они – Тюменская обл. с входящими в нее Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким округами, Красноярский край (без округов), Республика Саха (Якутия) и два автономных округа – Ненецкий и Корякский (попавшие в эту группу в основном

сама находится в процессе глубоких изменений, долгосрочное направление которых как раз и определяется словами «переход к устойчивому развитию».

⁴ Многочисленные иллюстрации этого можно встретить в [3].

⁵ Напомним, что необходимыми условиями «совершенной конкуренции» являются, наоборот, полная информированность всех участников рыночной игры и свободный доступ их к ресурсам и технологиям.

⁶ Из этого, в частности, следует, что государственный сектор, в отличие от советских времен, должен строиться не на ведомственно-отраслевой основе, а как сфера программного управления. Соответственно в основу муниципального сектора должны лечь принципы координационного (сетевое) управления.

⁷ Исключение – промышленный рост в 1999-2000 гг. Однако он носит в значительной мере характер компенсации спада, произошедшего в 1998 г., т. е. если сравнивать 1999 г. не с 1998 г., а с 1997 г., то оказывается, что промышленное производство в России выросло не на 8,1%, а всего на 2,5%. Это подтверждается относительной стабильностью производства (102,1%) в главном «валютном цехе» страны – Тюменской области – и некоторых других регионах с преобладанием экспортных отраслей – республиках Коми и Хакасия, Омской и Томской областях. Другими словами, размах амплитуды «кризис-подъем» был меньше в тех регионах, которые уже «вросли» в мировой рынок.

из-за малочисленности своего населения) – являются сегодня лидерами по *производству промышленной продукции на душу населения* (Приложение, рис. 1⁸).

Ни один из старых промышленных районов, таких, как Москва, Петербург или Нижний Новгород, в которых обрабатывающая промышленность зарождалась и в течение более 100 лет тянула за собой всю страну, отныне не входит в элиту промышленных районов⁹. В результате изменилось само понятие старого промышленного района: в этой роли выступают теперь не порождения XIX в. – угольно-металлургические бассейны, а, наоборот, районы обрабатывающей промышленности, центры науки и техники.

В 90-е годы распалась прежняя региональная иерархия, основанная на доминировании районов с тяжелой и оборонной промышленностью. Заменявшая ее новая иерархия регионов характеризуется преобладанием столичного торгово-банковского капитала (Москва) и районов добычи топлива и сырья на экспорт (Северо-Восток) над стагнирующими промышленным поясом России (от Петербурга до Новосибирска) и аграрным Югом. Хорошей иллюстрацией могут служить показатели *душевого производства валового регионального продукта* (ВРП) в 1997 г. Первые места по этому показателю занимают Москва, Тюменская обл., Якутия, Магаданская обл. и Чукотка. Группа отстающих (с производством ВРП на душу населения в 1997 г. менее 8 тыс. руб.) состоит из 12 регионов: трех областей – Ивановской, Ростовской и Тамбовской и 9 республик – Алтай, Тыва, Калмыкия и 6 республик Северного Кавказа¹⁰. При этом отношение максимального душевого ВРП (в Тюменской обл.) к минимальному (в Дагестане) составило 21,3 раза¹¹.

Распределение *инвестиций* между регионами (здесь мы располагаем данными только за январь-сентябрь 1999 г.) резко неравное: на Москву пришлось 16,3% их общего объема (с областью – 21%), Тюменскую обл. с округами – 13%, Санкт-Петербург – 5,8%. По душевому объему капиталовложений выделялись: в Европейской части – Москва, Санкт-Петербург, Новгородская обл. и Ненецкий АО, а в Азиатской – Тюменская и Томская области, Якутия, Магадан и Сахалин.

Что касается *иностраных инвестиций*, то за первые 9 мес. прошлого года они составили, по данным Госкомстата, 6,5 млрд. долл. США; 27,6% этой суммы получила Москва (с областью – 32,7%), 5,4% – Ненецкий АО, 5,8% – Санкт-Петербург (с областью – 8,8%), 4,7% – Краснодарский край, 9% – Омская¹² и 15% – Сахалинская области. Иными словами, 3/4 всех иностранных вложений в Россию пришлось на долю всего 8 субъектов РФ. И, наоборот, 48 субъектов РФ, т. е. больше половины их общего числа, получили меньше 10 млн. долл.

В расчете на душу населения больше 100 долл. получили (Приложение, рис. 2) Москва, Ленинградская, Архангельская (почти 100% – за счет Ненецкого АО), Омская, Магаданская и Сахалинская области и Корякский АО.

Финансовую ситуацию в регионах отражают поступления *налогов и сборов в бюджетную систему*. За 11 мес. 1999 г. 23,9% всех поступлений и 32,7% поступлений в федеральный бюджет дала Москва, 4,3% (4,7%) – Санкт-Петербург, 10,2% (10%) – Тюменская обл. (в последнем случае более 90% приходится на входящие в ее состав округа). По душевому сбору налогов лидируют Москва и районы Севера – Тюменская обл. с округами, Якутия, Ненецкий, Таймырский и Корякский АО. А замыкают таблицу аграрные районы – республики Северного Кавказа, Алтайский край, Смоленская, Тамбовская и Курганская области.

Что касается индикаторов уровня жизни, то денежные доходы на душу населения составили в ноябре 1999 г. в среднем 1741,2 руб. Лидирует здесь Москва (6803,2 руб.). В Европейской части среднедушевые доходы свыше 2000 руб. имеют также Мурманская обл., Республика Коми и Самарская обл., а менее 1000 руб. – Псковская обл., 7 из 12 областей Центра – Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская, Рязанская и Тверская, 4 из 5 территорий Волго-Вятского района (исключение – Нижегородская обл.), в Поволжье – Республика Калмыкия и Пензенская обл., на Северном Кавказе – все республики кроме Северной Осетии и на Урале – Коми-Пермяцкий АО. К востоку от Урала этот печальный список продолжают Алтайский край, Курганская и Читинская области, республики Алтай и Тыва, Еврейская АО, Усть-Ордынский и Агинский АО.

⁸ Рисунки, используемые в статье, подготовлены в лаборатории региональных проблем социально-экономического развития ИНИП РАН (М.С. Верхунова).

⁹ Даже взятые вместе 15 областей Центра и Северо-Запада, в которых живет 25,5% населения России, дали в 1999 г. лишь 20,2% ее промышленного производства.

¹⁰ Всего их 7, но по Чечне нет данных.

¹¹ Отметим, что еще в 1994 г. этот разрыв составлял 14,1 и в 1995 г. – 17,7 раза.

¹² Отметим, что на долю соседней Тюменской обл. пришлось в 1999 г. менее 2% иностранных инвестиций, что связано, по-видимому, с рядом конфликтов в нефтяной отрасли и развитием «Газпрома» в режиме фактического самофинансирования.

Величина прожиточного минимума (ПМ) в декабре 1999 г. составила в среднем по России 963 руб. В Москве этот показатель равнялся 1376 руб., своего максимума он достигает в Корякском АО – 3761 руб., минимума – в Ульяновской обл. – 621 руб.

Для сравнения жизненного уровня целесообразно использовать *отношение этих двух показателей*: в пяти районах (Москва, Тюмень, Самара, Мурманск и Республика Коми) оно было больше 2 (т.е. средний доход каждого жителя составлял более двух прожиточных минимумов).

Средняя начисленная заработная плата в ноябре 1999 г. составила 1789 руб. (170% ПМ). Здесь бесспорные лидеры – районы Севера. На первом месте – Ямало-Ненецкий АО – 6542 руб. (361% ПМ). Москва со средней зарплатой 3122 руб. обеспечивала своим занятым 200% ПМ. На последнем месте Дагестан (537 руб. – 70,5% ПМ).

Просроченная задолженность по заработной плате остается проблемой в первую очередь восточных регионов – Урала, Сибири и Дальнего Востока. На них приходится более 60% общей задолженности по зарплате (составлявшей на 1.01.2000 г. 43,7 млрд. руб.) при 35,9% в общей численности занятого населения.

29,8% розничного товарооборота России приходилось на Москву (при 5,9% населения). И это несмотря на то, что в 1999 г. спад розничной торговли в Москве был в 2,4 раза сильнее, чем в целом по стране (18,1% против 7,7%), что отражает резкое (за 11 мес. на 33,8%) падение импорта. Для сравнения: доля Санкт-Петербурга – всего лишь 3,7% при 3,2% в населении. В Самарской обл. розничный товарооборот в 3,2 раза больше, чем в соседней Саратовской почти с таким же населением. Объяснение простое: Самарская обл. – главный рынок отечественных легковых автомобилей.

Ввод жилья в 1999 г. составил 32 млн. кв. м общей площади и вырос по сравнению с предыдущим годом на 4,3%. На Москву с областью¹³ (10% населения) приходится 18,2% построенного жилья. Есть и другие «оазисы» жилищного строительства – Чувашия, где жилья введено больше, чем в соседней Нижегородской обл. (население в 2,7 раза больше), и Белгородская обл., где жилья построено больше, чем, к примеру, в Самарской обл. (населением в 2,2 раза больше) и в 3,5 раза больше, чем в соседней Курской (с почти таким же населением). В Астраханской обл. жилья построено больше, чем в соседней Волгоградской, хотя население ее в 2,6 раза меньше. В Краснодарском крае на душу населения вводилось жилья на 44,5% больше, чем в соседней Ростовской обл. Среди уральских регионов выделяется Башкирия (20% населения), на которую приходится 38,2% жилищного строительства региона. Переход к душевым показателям вводит в число лидеров также Якутию.

В заключение данного раздела приведем несколько демографических индикаторов. Для характеристики естественного движения населения по регионам предлагается отношение коэффициента смертности к коэффициенту рождаемости. Этот показатель можно несколько огрубленно интерпретировать как «скорость вымирания»¹⁴. В целом по России он равен 1,75, в Москве – 1,9, Петербурге – 2,4, Ленинградской обл. – 2,7. Первое место занимает Псковская обл., где в январе-сентябре 1999 г. умерло в 3 раза больше, чем родилось; в конце с коэффициентом 0,31, т.е. родилось в 3 раза больше, чем умерло, находится Республика Ингушетия. Бросается в глаза локализация зоны наиболее интенсивного вымирания населения (превышение смертности над рождаемостью более чем в 2,5 раза) на северо-западе России. Здесь она занимает сплошной массив областей от Ленинградской (без Санкт-Петербурга!) и Смоленской на западе до Ивановской на востоке. За пределами этого массива лежат только две области с таким же плохим соотношением рождаемости и смертности – Тульская и Рязанская.

Младенческая смертность (16,4 умерших в возрасте до 1 года на 1000 рожденных) оставалась в 1999 г. почти на том же уровне, что и в 1998 г. По этому показателю Россия уступает всем странам Восточной Европы, кроме Румынии, Молдавии и Албании.

Резкое сокращение межрайонных миграций. В России принято связывать миграцию с различиями в уровне жизни. В 90-е годы эти различия усилились, а миграционная подвижность, вместо того чтобы повыситься, наоборот, резко снизилась: за 10 лет (1989-1999 гг.) годовой миграционный оборот в России (сумма прибывших и выбывших) уменьшился с 12,5 до 5,5 млн. чел.¹⁵ Конечно, стало намного больше беженцев и вынужденных переселенцев. Но их поток не компенсировал падения числа «нормальных», экономических мигрантов.

Миграционный прирост населения России за январь-ноябрь 1999 г. составил всего 142,8 тыс. чел. Это почти в 2 раза меньше, чем за тот же период 1998 г., что связано, видимо, с тем, что именно на Россию пришелся в это время пик спада жизненного уровня, вызванного финансовым кризисом (до других стран СНГ он докатился позже уже в 2000 г.). В то же время региональная структура миграции в основном сохранилась. По-прежнему наибольший отток населения идет с Севера. Чистое сальдо миграции из регионов Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока за 11 мес. 1999 г. составило минус 120,7 тыс. чел. Почти половина из этого числа приходится на Дальний Восток.

Пожалуй, наиболее драматическим событием прошлого года стала смена положительного сальдо миграции Тюменской обл. (6,5 тыс. чел. за первые 11 мес. 1998 г.) на отрицательное – минус 13 тыс. чел. Вообще, миграционное сальдо Западной Сибири, составлявшее в январе-ноябре 1998 г. плюс 33,8 тыс. чел., упало в январе-ноябре 1999 г. – минус 7,5 тыс. чел. Переход к отрицательному сальдо в этом регионе зафиксирован кроме Тюменской также в Томской и Омской областях (в последнем случае – несмотря на внушительные иностранные инвестиции в нефтехимию).

На Дальнем Востоке заслуживает быть отмеченным высокое отрицательное сальдо миграции Сахалинской обл.: за 11 мес. минус 6,9 тыс. чел. – 1,1% всего населения. Это случилось, несмотря на крупные иностранные инвестиции почти 1 млрд. долл. (за 9 мес.), что составило 15% всех иностранных инвестиций России. Другими словами, масштабное бурение нефтяных скважин на сахалинском шельфе практически не улучшило жизнь рядовых граждан острова.

¹³ И это без жилья на дачных и садовых участках, где перевес Подмосковья, по-видимому, еще больше.

¹⁴ Разумеется, более точную картину, учитывающую межрегиональные различия в структуре населения, могли бы дать нетто-коэффициенты воспроизводства населения. Но этими данными мы не располагаем.

¹⁵ Миграционный оборот за первые 11 мес. 1999 г. составил 5,05 млн. чел.

В европейской части впервые за несколько лет выезд превысил въезд в одной из областей Центра – Смоленской. Однако в большинстве других регионов (кроме Севера) положительное сальдо миграции сохранилось (хотя и уменьшилось), а въезд в Краснодарский край даже увеличился.

Для механического движения населения характерен показатель «миграционный прирост (убыль) населения» (см. Приложение, рис. 3). На рисунке хорошо видны три (если не считать Калининградской обл. и столь же одиноких регионов-«аттракторов» на востоке – Новосибирской обл. и Республики Алтай) зоны интенсивного притока населения: столичный ареал (без Санкт-Петербурга), Юг России (Краснодарский и Ставропольский края) и территория Черноземья и Поволжья – от Белгорода через Воронеж и Липецк до Саратова и Самары. Зонай наиболее интенсивного оттока населения стал почти весь Север – от Мурманска до Камчатки. Не намного лучше миграционные показатели юга Восточной Сибири и Дальнего Востока и некоторых республик – Калмыкии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Из других регионов в эту группу попали уже упомянутая Смоленская обл., Мордовия и Коми-Пермяцкий АО.

Необходимость перехода к устойчивому развитию. Значительное расстройство механизмов регионального воспроизводства можно было видеть на примере населения, а значит, и трудовых ресурсов. Что касается капитальных ресурсов, то инвестиции за 1991-1999 гг. сократились, по данным Госкомстата, в 5 раз, производственные мощности (без добывающих отраслей) – на 27%, а износ промышленного оборудования достиг 70%. Продолжение этих тенденций приведет, по расчетам Центра макроэкономических исследований и краткосрочного прогнозирования ИНИ РАН, к тому, что объемы производства и потребления за десятилетие 2001–2010 гг. уменьшатся, как минимум, еще на 5%.

Региональный аспект данного процесса определяется тем, что при сложившихся отношениях распределения¹⁶ финансовые ресурсы страны концентрируются в районах, где живет менее 20% населения России. Это районы добычи нефти и газа (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО) – 1,3% населения, черной и цветной металлургии – 10%, а также Москва и Самарская обл. – 8% населения). Все остальные регионы практически лишены доступа к финансовым ресурсам. Процессы регионального развития в них сводятся, по А.Н.Арянину:

- к поддержанию на плаву отдельных крупных предприятий главным образом за счет их собственных ресурсов;
- к развитию некоторых местных отраслей (пищевой промышленности, ремонта, услуг и т.п.) также за счет средств предприятий и местных бюджетов.

Любая попытка реализовать более крупные проекты разбивается об отсутствие необходимых для этого структур – не только финансовых, но и строительных. Выход из этого тупика возможен только на путях принципиального изменения самой стратегии экономического развития. Содержание этого изменения в свете ранее сказанного должно быть определено как *переход к устойчивому развитию*. Данное понятие рассматривается нами как альтернатива не только фактически идущему в мире *поляризованному развитию*¹⁷, но и доктрине глобализации [4], которая выступает объективно именно как ревизия принципов устойчивого развития, как фактическая подмена их доктриной «Вашингтонского консенсуса».

Проблема здесь в том, что заложенные в эту доктрину представления о автоматизме рынка справедливы, в действительности, только для *использования* ресурсов. Напротив, процессы их *воспроизводства* (равно восстановления и приумножения) в условиях рыночной экономики заметно усложняются. Да и протекают они, как уже отмечалось [5], по большей части за пределами рынка: воспроизводство трудовых ресурсов – в семье и системах образования,

¹⁶ Термин «распределение» здесь точнее, чем «собственность», так как 75% ВВП России, по оценке акад. Д.С. Львова, приходится на ренту, которая по закону должна принадлежать государству (как собственнику природных ресурсов), но фактически присваивается частными лицами.

¹⁷ С 1960 по 1990 г. разрыв между 20% наиболее богатых стран и 20% самых бедных вырос с 30:1 до 60:1. А при устойчивом развитии мы имели бы сегодня ядро из примерно 120 стран со средним уровнем развития и лишь по два-три десятка стран, отклоняющихся от него вверх и вниз.

здравоохранения и отдыха; воспроизводство почвенного плодородия и биологических ресурсов – в соответствующих подсистемах биосферы; воспроизводство знаний и деловых установок (трудовых и предпринимательских) – в таких некоммерческих сферах деятельности, как наука и культура, и т.д.

Все это диктует необходимость перехода от нынешней *экономики использования ресурсов*¹⁸ к экономике их системного воспроизводства. И хотя сегодня вопрос об институциональном обеспечении устойчивого развития не только не решен, но по-настоящему даже не поставлен, имеется достаточно оснований [5] утверждать, что главными организаторами такого перехода, субъектами устойчивого развития должны стать именно регионы. Это определяется их объективной ролью арены воспроизводства (пространства взаимодействия ресурсных подсистем) и наличием ряда субъективных предпосылок, таких, как опыт обустройства территории и возможность широкой опоры на науку о ресурсных циклах и территориально-производственных комплексах¹⁹.

О условиях перехода к устойчивому развитию. Усилия регионов по обустройству территории и развитию «человеческого капитала» не принесут результата, если не будут выполнены некоторые внешние (по отношению к регионам) условия устойчивого развития. Анализ этих условий ведется сейчас в основном в процессе разработки учеными ИНП РАН различных сценариев народнохозяйственного развития – инерционного, сырьевого, потребительского, восстановительного и инвестиционного. В настоящее время эта работа продвинулась достаточно далеко в части выяснения *внутриэкономических условий* устойчивого развития [8, 9]. Этого, однако, нельзя сказать о *внешнеэкономических* и особенно о *социальных условиях*, хотя они не менее важны, чем внутриэкономические.

Что касается *внешнеэкономических условий*, то в настоящее время нельзя считать до конца выясненной даже саму степень желательной открытости российской экономики. Остроту идущих по этому поводу споров наглядно иллюстрирует недавно вышедшая книга [10]. Ее главный тезис заключается в том, что экономика нашей страны непривлекательна для вложения капиталов в производство, и эта непривлекательность неустранима. За этим выводом стоит достаточно серьезный анализ отрицательной климатической ренты России. Фактор этот и в самом деле приобретает немалое значение в условиях, когда глобализация выравнивает широкий спектр технологических и организационных условий производства внутри сектора транснациональных корпораций. А ведь в российской экономике есть и другая «черная дыра» – почти не затрагиваемая А.П. Паршевым проблема преодоления *больших расстояний по суше*.

Однако это лишь часть факторов, которые должны быть учтены при решении вопроса об оптимальной степени открытости российской экономики и, на наш взгляд, не главная. Более важной, как и во всяком двустороннем процессе, представляется проблема *качества партнера*. Дело в том, что обычные аргументы в пользу максимума открытости не учитывают, на наш взгляд, глубоких изменений,

¹⁸ Отметим, что в этом отношении нет большой разницы между старой рыночной и советской системами. Последняя также была ориентирована на использование (причем весьма расточительное) ресурсов, а не на организацию их воспроизводства.

¹⁹ Основы воспроизводственной трактовки региона заложены еще в 60-70-е годы в [6, 7].

произошедших за последние десятилетия в природе Запада и мирового рынка. Разумеется, в рамках данной статьи эта тема может быть только обозначена²⁰.

Речь идет, прежде всего, о становлении *глобального рынка капитала*. Этот процесс начал набирать силу после отмены Бреттон-Вудских соглашений, фиксировавших обменные курсы валют главных индустриальных стран, в 1973 г., но по-настоящему развился только в 80-90-е годы. Поэтому разрушительные последствия его еще мало осознаны. Между тем речь идет, во-первых, о гигантской концентрации финансового капитала²¹ и, во-вторых, появлении новых источников доходов (в частности, от торговли финансовыми деривативами), уровень которых абсолютно невообразим для реального сектора экономики. Эти сверхдоходы выступают как своеобразная рента, которой новый финансовый капитал обложил реальный сектор²² и которая пресекает все возможные попытки опирающихся на него стран стать по-настоящему самостоятельными. Результатом этой новой ситуации стал парадокс: финансовые потоки со всех континентов стекаются сегодня в самую богатую страну – США. Объяснить это направление финансовых потоков традиционными средствами без учета доминирования виртуальной экономики над реальным сектором вряд ли возможно.

Таким же парадоксом является и ситуация с оффшорами – этой, по выражению одного западного журналиста, «черной дырой мировой экономики». Разумеется, никто (за возможным исключением некоторых наших соотечественников) не везет туда деньги чемоданами. «Бегство капиталов физически делается в компьютерных сетях банков и корпораций... Просто объединенный сетями финансовый сектор большую часть содержимого своих твердых дисков объявляет экстерриториальной» [3, с. 69]. А ведь оффшоры – не только у нас, но и на Западе – это, прежде всего, средство ухода от налогов, т.е. открытое поощрение налоговой преступности. Но никакой борьбы с ними не ведется, так как это противоречило бы догме о «свободном движении капиталов»²³.

Идеологическое развитие на Западе уже долгое время идет по двум, если не диаметрально противоположным, то, по крайней мере, сильно различающимся направлениям. Первое – это все, что связано с наследием кейнсианства, теории и практики социального государства (*welfare state*) и защиты окружающей среды. Самым большим успехом этого направления стали решения Всемирной конференции 1992 г. в Рио-де-Жанейро по развитию и окружающей среде – т.е. именно концепция устойчивого развития. Второе направление – это известный нам теперь уже и по отечественным образцам радикальный неолиберализм²⁴.

Доктрина глобализации ориентирована сегодня именно на это второе направление, но это не должно вести к отказу от самой цели открытой экономики. Гораздо более взвешенным представляется другое решение, которое можно сформулировать так: *мы за открытую экономику, но не на основе доктрины «Вашингтонского консенсуса», а на основе решений Конференции в Рио-де-Жанейро²⁵, т.е. разумного сочетания экономических критериев с социальными и экологическими в общем контексте гуманизма и уважения культурного многообразия.*

²⁰ В характеристике механизмов и последствий глобализации мы будем опираться на [3].

²¹ Только в так называемых взаимных фондах США в середине 90-х годов было сконцентрировано 8 трлн. долл. – несколько сот годовых бюджетов России.

²² Лишь от 2 до 3% финансовых сделок сегодня обслуживают реальный сектор.

²³ Некоторые признаки такой борьбы наметились только в самое последнее время.

²⁴ Социально-культурный подтекст этой идеологии удачно выразил польский профессор-регионалист А. Кужлински. Выступая на сессии Международной Академии регионального развития и сотрудничества (Президент – акад. А.Г. Гранберг) в Москве, он сказал: «Сегодня знаковой фигурой для Запада является уже не Франциск Ассизский (знаменитый католический святой, прославившийся своим милосердием), а Чарльз Дарвин с его борьбой за существование».

²⁵ На Западе формально никто не отказывается от решений Рио-де-Жанейро. Их просто наполняют новым содержанием, доказывая, что путь к устойчивому развитию прокладывает именно свободный рынок в целом и его субъекты – каждый в отдельности.

Хорошим примером в этом плане могут служить страны Дальнего Востока, добившиеся наибольших успехов в развитии реального сектора именно потому, что все они без исключения, нисколько не стесняясь насмешек своих западных менторов, «применяли стратегию... всеобъемлющего вмешательства государства на любом уровне экономической деятельности» [3, с. 147].

Конечно, сейчас, после девальвации рубля, *реальная* степень открытости нашей экономики сильно понизилась. Но даже в этих условиях остается актуальной задача перехода от пассивной *адаптации* российской экономики к запросам мирового рынка к активному регулированию всего комплекса ее отношений с внешним миром. В основу такого регулирования могут быть положены, по нашему мнению, три принципа:

- открытие российских товарных рынков только в меру модернизации реального сектора;

- признание того, что после многих десятилетий изолированного развития мировые цены *в принципе* не могут выполнять для российской экономики функцию цен рыночного равновесия, поэтому необходимы переходные цены;

- отказ от открытия для нерезидентов внутреннего финансового рынка до пересмотра мировым сообществом современной доктрины функционирования международного финансового капитала, превращающей его из механизма инвестирования в механизм процентной эксплуатации менее развитых стран.

Еще большего внимания требуют *социальные условия перехода к устойчивому развитию*. Дело в том, что заложенный в него императив ускорения вертикальной социальной мобильности предполагает вполне определенный тип социальной политики. Его суть – переход от узко понимаемой социальной защиты к выравниванию стартовых возможностей. Данное положение подтверждается опытом всех развитых стран – от США до Японии: эффективность экономики и темпы технологического развития в них тем выше, чем ниже степень социального неравенства [11, р. 28-51].

Сравнивая разные модели социальной политики, современная социология пришла к выводу, что наименее эффективными, точнее, совсем неэффективными в плане преодоления социального неравенства оказываются «системы социального обеспечения, построенные на принципах социального страхования» [12, с. 56]. Это неудивительно, так как объем и распределение социальных выплат в таких системах ставятся в прямую зависимость от доходов их получателей, т.е. в эти модели включена положительная обратная связь с уже достигнутым уровнем жизни. К сожалению, именно они были положены в основу реформирования социальной сферы в России.

Таким же уязвимым оказывается и другой широко разрекламированный у нас принцип – отказ от социальных гарантий в пользу адресной социальной помощи. По существу, это противопоставление *прямой помощи бедным* (которая, разумеется, необходима) *социальной профилактике бедности*, которая необходима ничуть не меньше.

Нельзя назвать удачной и внедряемую сейчас западную методику измерения бедности *материальными лишениями*. В условиях России ее применение ведет к занижению масштабов бедности – просто потому, что из анализа выпадает *потенциал будущей бедности*, маскируемый последствиями советской системы социальных гарантий.

Таким образом, практически все направления внедряемой сейчас социальной философии несовместимы с модернизацией, ведут к ухудшению не только социальных, но и экономических результатов развития.

В этих условиях в основу концепции устойчивого социального развития должна быть положена формула *социально-гарантированного минимума жизненных благ и услуг* [13]. Иными словами, устойчивое социальное развитие определяется как *развитие, повышающее долю средних слоев* (в отличие от нынешнего развития, ведущего, наоборот, к их размыванию).

Сейчас средний класс определяют чаще всего по уровню доходов²⁶. Однако в российских условиях более надежным является критерий богатства. Речь идет, прежде всего, о жилье. По этому критерию, ядро социальной структуры российского общества образуют примерно три четверти городских семей (55% всего населения), живущие в стандартных городских квартирах. Именно эти 55% и есть российский средний класс. Этот реальный средний класс России необходимо сохранить, на него (а не на узкий слой стратегических собственников) следует опираться, его, а не чьи-либо иные интересы должны стать главным ориентиром экономической и социальной политики.

Специфика российского среднего класса означает, что в стратегии социального развития нашей страны важное место должны занять проблемы *жилищно-коммунальной реформы, расселения и развития муниципального сектора*.

Новая стратегия жилищно-коммунальной реформы. Сейчас концепция жилищной реформы ставит во главу угла не решение жилищной проблемы, а перевод предприятий жилищно-коммунального хозяйства на самофинансирование. Но в условиях обеднения значительной части населения даже эта узкая цель становится нереализуемой. В действительности, жилище – не только экономическое, но и социальное благо (не только товар, но и крыша над головой). Поэтому в основу концепции жилищной реформы должно быть положено, по нашему мнению, понятие *социальной нормы жилищной обеспеченности*²⁷. Практически это означает, что государство должно возмещать семье часть *стоимости* жилья, соответствующую социально-гарантированному минимуму.

Проблемы расселения. Россия – городская страна. Почти три четверти ее населения живет в городах и поселках городского типа, занимающих всего 0,5% территории.

Преобладание городского населения делает непригодными для России методы рыночной мобилизации (рекомендуемые Международным Валютным Фондом), неявно опирающиеся на использование в качестве социального амортизатора рыночных реформ огромной массы сельского населения, живущего фактически по законам натурального хозяйства²⁸. В том же направлении действуют такие фундаментальные характеристики России, как продолжительная зима (диктующая необходимость работы в закрытом помещении) и огромные расстояния, по сути дела, запрещающие перевозку сырья и громоздких промежуточных продуктов²⁹. Таким образом, три могущественных фактора – урбанизация, климат и большие расстояния – диктуют необходимость специализации России не на отраслях топливно-сырьевого комплекса, а на обрабатывающей промышленности и высоких технологиях.

В этих условиях эволюция системы расселения в нашей стране должна пойти по пути *субурбанизации* – перехода от точечных индустриальных городов к современным децентрализованным системам сельско-городского расселения. Это, на первый взгляд, сугубо пространственное решение (движение из городов в пригороды) приобретает большое макроэкономическое значение, позволяя *соединить реструктуризацию экономики с ростом благосостояния населения*. Однако в условиях России общемировая тенденция субурбанизации должна

²⁶ Другой модной трактовкой является отождествление среднего класса со слоем предпринимателей, однако в развитых странах 80-90% среднего класса составляют лица наемного труда.

²⁷ По существу, это все тот же социально-гарантированный минимум, только переведенный на язык жилищной политики.

²⁸ Отметим, что у нас сходную роль стал играть внутренне-ориентированный (по терминологии А.Р.Белюсова) сектор экономики с характерными для него неплатежами и бартером.

²⁹ Примером осознания этого факта может служить рекомендация Научно-практической конференции «Новосибирск на рубеже XXI века: перспективы развития и инвестиционные возможности» развивать с учетом удаленности Новосибирска от основных рынков Европы и Азии производство, в первую очередь малогабаритной наукоемкой продукции.

реализоваться – с учетом климата и финансовых возможностей большинства населения – в форме массового строительства *вторых жилищ*, используемых для проживания только в теплое время года.

Конечно, субурбанизация – это перспектива в первую очередь для больших городов. Для автономно расположенных малых и средних городов и сельской местности перспективы перехода к устойчивому развитию связаны в первую очередь с распространением *информационных технологий*, таких, как система «Интернет», позволяющих при относительно небольших издержках покончить с изоляцией российской глубинки, интегрировать ее непосредственно в глобальную сеть деловых и человеческих контактов.

Для зоны Севера и обезлюдевших районов Нечерноземья наиболее перспективной представляется стратегия *экологизации*, т. е. города этих районов должны стать для окружающих территорий центрами не только расселения, но и экологического обустройства (ландшафтного проектирования, создания экопарков).

Последнее из упомянутых условий перехода к устойчивому развитию – *муниципализация*. По существу, речь идет о создании нового сектора экономики, объединяющего отрасли местной инфраструктуры и социальной сферы и изначально ориентированного на сбалансированную реализацию экономических, социальных и экологических критериев. Передача ведомственного жилья и объектов социальной инфраструктуры в муниципальную собственность заложила хорошую основу для решения этой задачи.

Литература

1. НГ-регионы. 1998. № 15.
2. Регионы России в 1998г. Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / Под ред. Н.Петрова. М.: Гендальф. 1999.
3. Мартин Г.-П., Шуман Г. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2000.
4. Pro et Contra. 1999. № 4.
5. Пчелинцев О.С., Любовный В.Я., Воякина А.Б. Регулирование воспроизводственного потенциала территории как основа региональной политики // Проблемы прогнозирования. 2000. № 5.
6. Орлов Б.П., Шнипер Р.И. Экономическая реформа и территориальное планирование. М.: Экономика, 1968.
7. Шнипер Р.И. Региональные предплановые исследования. Новосибирск, 1978.
8. Ивантер В.В., Говтвань О.Дж., Ксенофонтов М.Ю., Панфилов В.С., Узяков М.Н. Экономика роста (Концепция развития России в среднесрочной перспективе) // Проблемы прогнозирования. 2000. № 1.
9. Доклад Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования ИИП РАН «Экономика России в наступающем десятилетии: угрозы и альтернативы».
10. Паришев А.П. Почему Россия – не Америка. М.: Крымский мост-9д, Форум, 2000.
11. Galbraith James K., Conceicao Pedro, Ferreira Pedro. Secrets of US Economic Strength // New Left Review. 1999. № 237.
12. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. Эдиториал УРСС. М., 1999.
13. Гребенников В.Г., Пчелинцев О.С., Шаталин С.С. Интенсификация общественного производства: социально-экономические проблемы. М.: Политиздат, 1987.

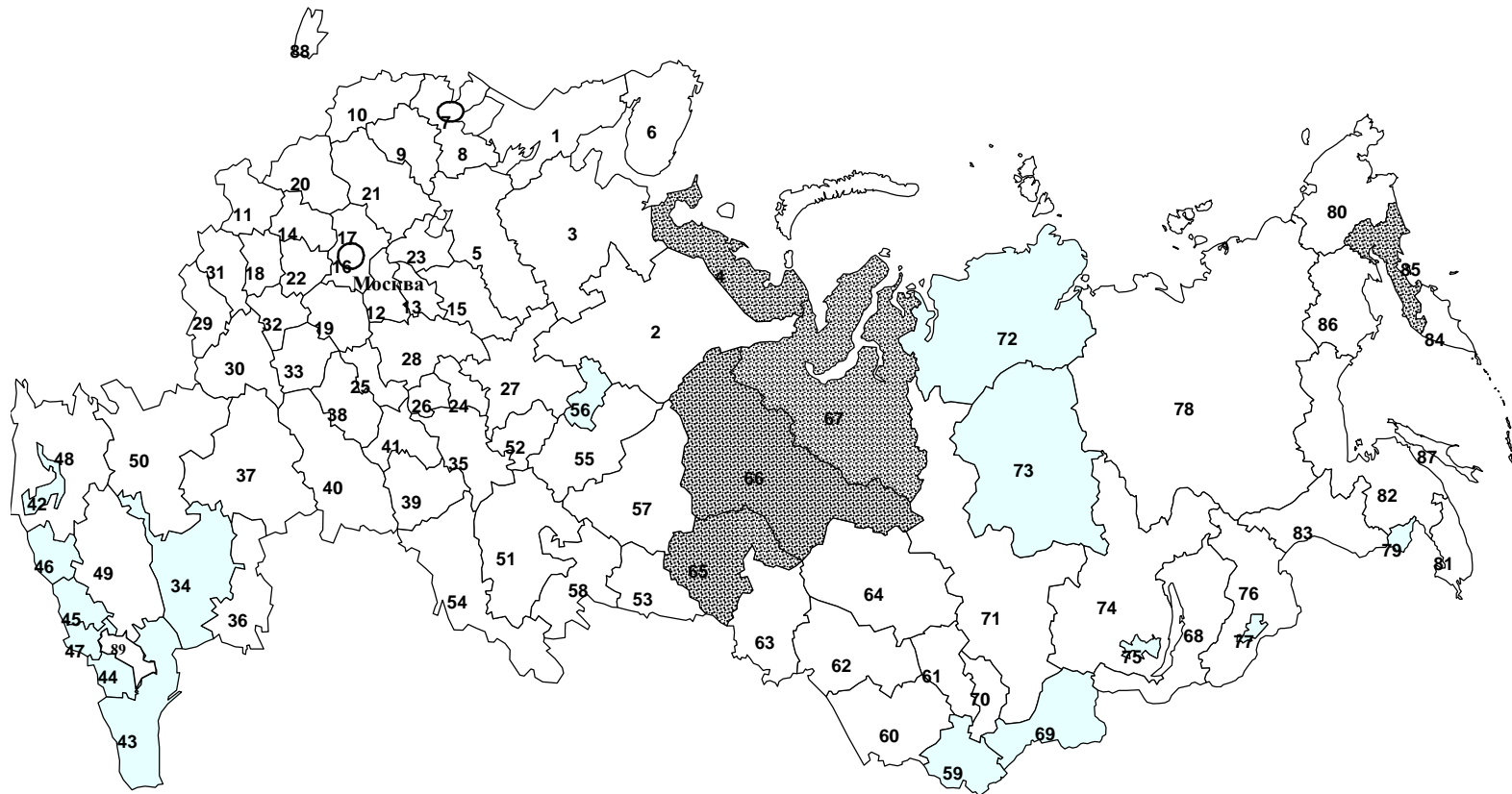
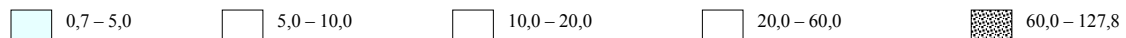

Рис. 1. Производство промышленной продукции на душу населения в 1999 г., тыс. руб.:

Список регионов на с. 115

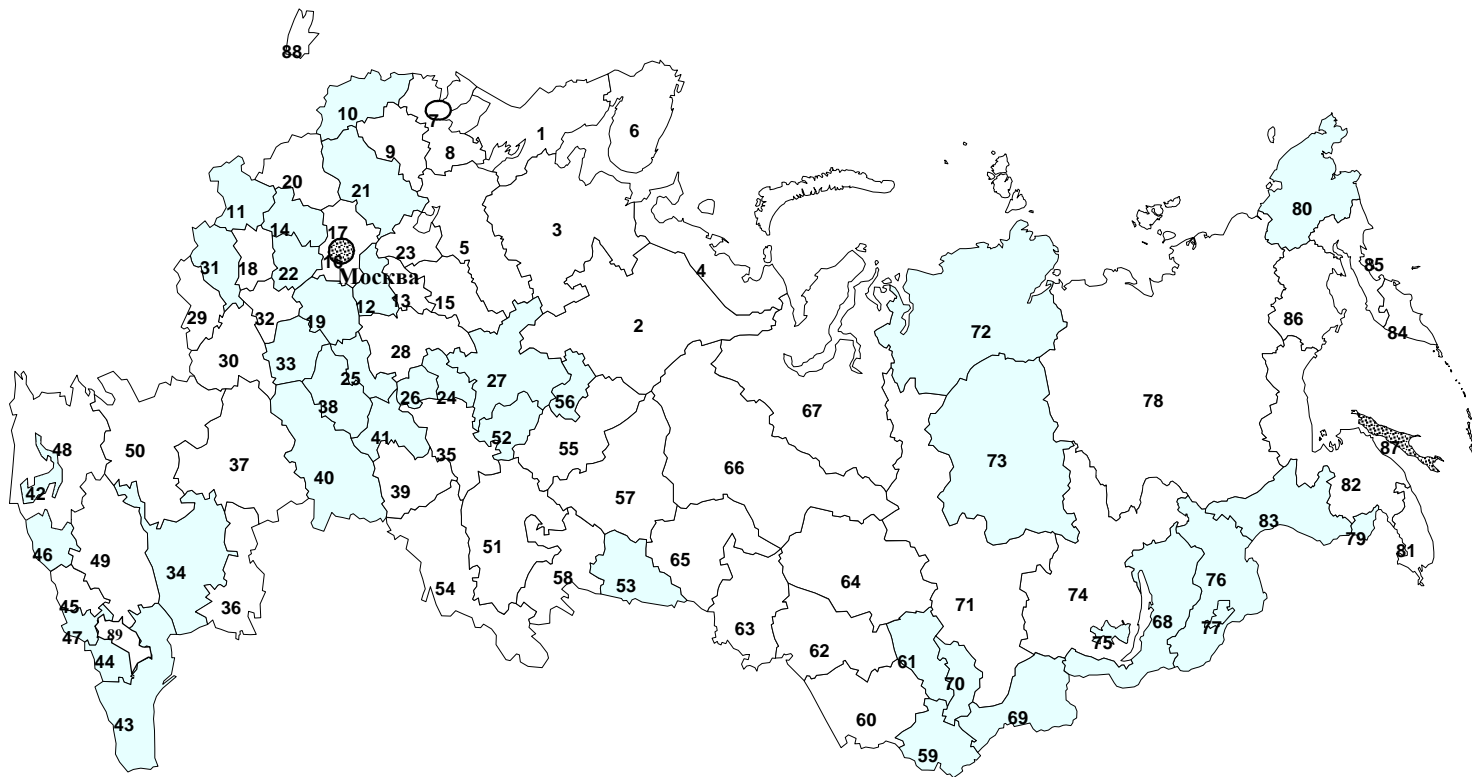

Рис. 2. Поступило иностранных инвестиций в регионы, январь-сентябрь 1999 г. , % к итогу:

Список регионов на с. 115

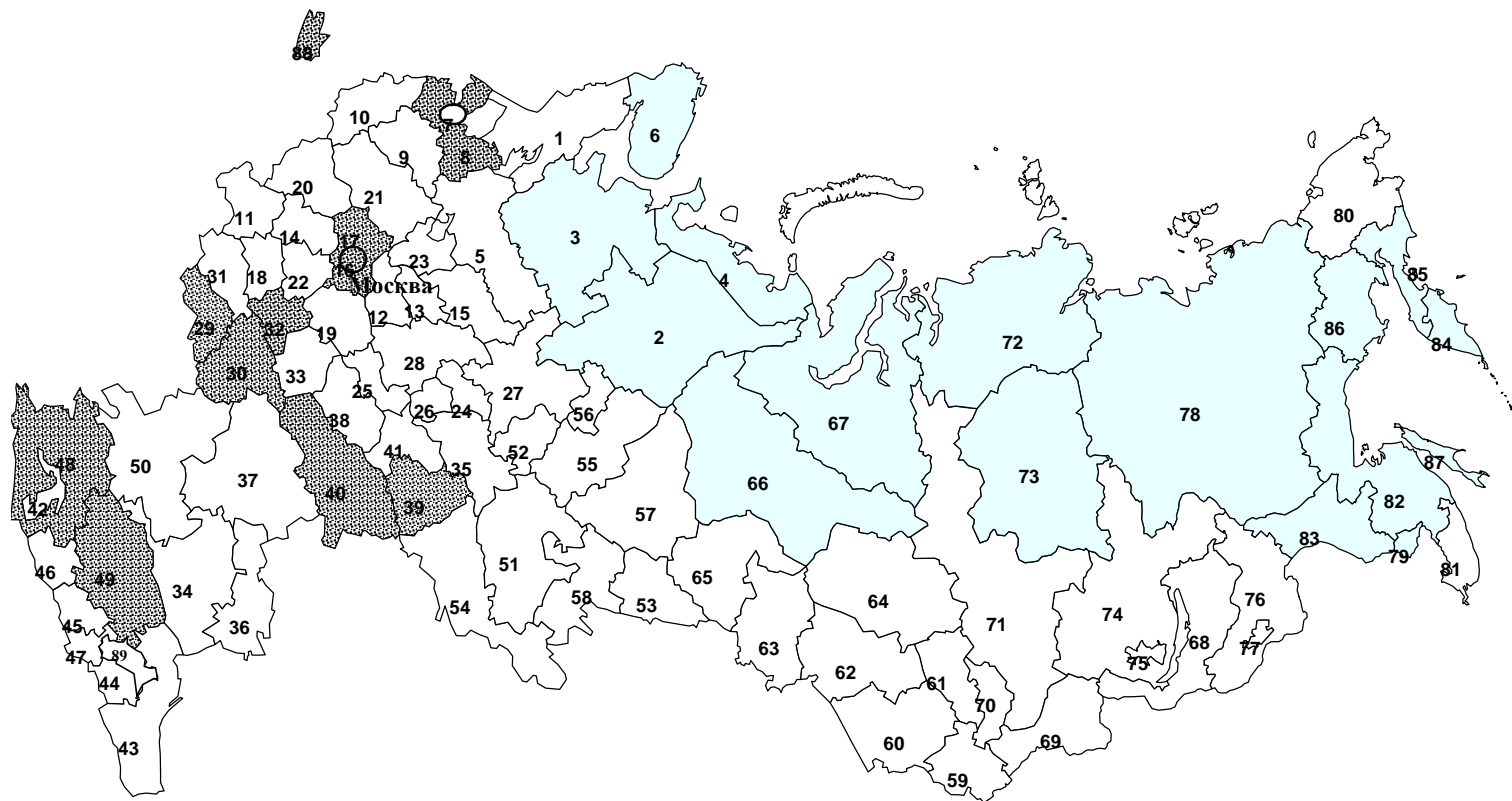
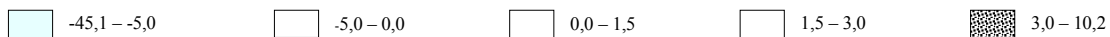

Рис. 3. Миграционный прирост (убыль) населения, январь-ноябрь 1999 г., чел. на 1000 жителей:

Список регионов на с. 115

Список регионов, обозначенных на картах номерами

- Северный район*
- (1) Республика Карелия
 - (2) Республика Коми
 - (3) Архангельская обл.
 - (4) в том числе Ненецкий автономный округ
 - (5) Вологодская обл.
 - (6) Мурманская обл.
- Северо-Западный район*
- (7) г. Санкт-Петербург
 - (8) Ленинградская обл.
 - (9) Новгородская обл.
 - (10) Псковская обл.
- Центральный район*
- (11) Брянская обл.
 - (12) Владимирская обл.
 - (13) Ивановская обл.
 - (14) Калужская обл.
 - (15) Костромская обл.
 - (16) г. Москва
 - (17) Московская обл.
 - (18) Орловская обл.
 - (19) Рязанская обл.
 - (20) Смоленская обл.
 - (21) Тверская обл.
 - (22) Тульская обл.
 - (23) Ярославская обл.
- Волго-Вятский район*
- (24) Республика Марий Эл
 - (25) Республика Мордовия
 - (26) Чувашская Республика
 - (27) Кировская обл.
 - (28) Нижегородская обл.
- Центрально-Черноземный район*
- (29) Белгородская обл.
 - (30) Воронежская обл.
 - (31) Курская обл.
 - (32) Липецкая обл.
 - (33) Тамбовская обл.
- Поволжский район*
- (34) Республика Калмыкия
 - (35) Республика Татарстан
 - (36) Астраханская обл.
 - (37) Волгоградская обл.
 - (38) Пензенская обл.
 - (39) Самарская обл.
 - (40) Саратовская обл.
 - (41) Ульяновская обл.
- Северо-Кавказский район*
- (42) Республика Адыгея
 - (43) Республика Дагестан
 - (44) Республика Ингушетия
- (45) Кабардино-Балкарская Республика
 - (46) Карачаево-Черкесская Республика
 - (47) Республика Северная Осетия – Алания
 - (48) Краснодарский край
 - (49) Ставропольский край
 - (50) Ростовская обл.
- Уральский район*
- (51) Республика Башкортостан
 - (52) Удмуртская Республика
 - (53) Курганская обл.
 - (54) Оренбургская обл.
 - (55) Пермская обл.
 - (56) в том числе Коми-Пермяцкий автономный округ
 - (57) Свердловская обл.
 - (58) Челябинская обл.
- Западно-Сибирский район*
- (59) Республика Алтай
 - (60) Алтайский край
 - (61) Кемеровская обл.
 - (62) Новосибирская обл.
 - (63) Омская обл.
 - (64) Томская обл.
 - (65) Тюменская обл.
 - (66) в том числе Ханты-Мансийский автономный округ
 - (67) и Ямало-Ненецкий автономный округ
- Восточно-Сибирский район*
- (68) Республика Бурятия
 - (69) Республика Тыва
 - (70) Республика Хакасия
 - (71) Красноярский край
 - (72) в том числе Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ
 - (73) Эвенкийский автономный округ
 - (74) Иркутская обл.
 - (75) в том числе Усть-Ордынский Бурятский автономный округ
 - (76) Читинская обл.
 - (77) в том числе Агинский Бурятский автономный округ
- Дальневосточный район*
- (78) Республика Саха (Якутия)
 - (79) Еврейская автономная обл.
 - (80) Чукотский автономный округ
 - (81) Приморский край
 - (82) Хабаровский край
 - (83) Амурская обл.
 - (84) Камчатская обл.
 - (85) в том числе Корякский автономный округ
 - (86) Магаданская обл.
 - (87) Сахалинская обл.
- (88) Калининградская обл.
 - (89) Чеченская республика (данных нет)